

В. МАЖЮЛИС

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ К АРХАИЧНОМУ ХАРАКТЕРУ ЯЗЫКА (БАЛТИЙСКИЕ ЯЗЫКИ)¹

§ 1. Исключительно архаичный (консервативный) характер балтийских языков по сравнению с другими индоевропейскими языками — эта проблема так или иначе рассматривалась многими учеными, в том числе и итальянскими, из которых хотелось бы особо отметить Маттео Бартоли (Matteo Bartoli), опубликовавшего свое специальное исследование „Il carattere conservativo dei linguaggi baltici“² (основанное на фонетическом и прозодическом материале). Однако до сих пор продолжает оставаться менее изученной другая, с ней связанная, проблема, к тому же имеющая немаловажное общелингвистическое значение для исследования языковых эволюционных темпов. Эта проблема, попытке рассмотрения которой и посвящен наш доклад, определяется вопросами: каково соотношение балтийских языков между собой по степени относительной архаичности (консервативности) или инновационности и, прежде всего, какими причинами вызвана эволюционная неравномерность отдельных балтийских языков (диалектов)?

§ 2. Каждому ясно, что само определение степеней архаичности (resp. инновационности) родственных языков³ является довольно условным, однако все же возможным. Если брать „классические“ балтийские примеры — современные близкородственные языки литовский и латышский (их диалекты), то литовский является несомненно более архаичным (менее инновационным), чем латышский⁴. В отношении эволюционных темпов не одинаковы и все бал-

¹ Доклад был предназначен для XI-го Международного конгресса лингвистов (ср. The 11th International Congress of Linguists, 4th circular, Bologna, 1972, 53), однако представить доклад Международному комитету Конгресса автор не успел.

² StB III (1933) 1—26.

³ Т. е. определение соотношения родственных языков по принципу: как эволюционным состоянием каждый из таких языков отделился от своего общезыкового („праязыкового“) состояния?

⁴ Латышский в некоторых случаях архаичнее литовского, но таких случаев гораздо меньше, чем тех, в которых он по архаичности уступает литовскому.

тийские языки. Подобного рода различие балтийских языков довольно „изоморфно“ отражается на фонетическом уровне⁵.

§ 3. В качестве фонетических знаменателей, „изоморфно“ отражающих эволюционные темпы отдельных (более или менее известных) балтийских языков, нам (подобно К. Буге⁶) представляется минимально достаточным выбрать следующие четыре изофоны (подведенные к их синхронному состоянию приблизительно XIV в.⁷):

а) дифтонг балт. **ei*, сохраняя относительно архаичное состояние в древнепрусском и ятвяжском — в т. н. западнобалтийских языках, приобрел инновационное состояние (общеизвестные случаи его монофтонгизации) в литовском, селонском, куршском⁸, земгальском и латышском (латгальском) — в г. н. восточнобалтийских языках⁹;

б) дифтонг балт. **Vn* (где *V* = балт. **a*, **e*, **i*, **u*) подвергся деназализации — стал инновационным в латышском и, быть может, в земгальском¹⁰, но этого не произошло — он сохранил свое архаичное состояние в древнепрусском, ятвяжском, литовском, селонском и куршском¹¹;

в) согласный балт. **k* (и **g'*) дал аффрикату *c* (и *dz*) в селонском, куршском, латышском и, быть может, в земгальском¹², но его эволюционное состояние архаично в древнепрусском, ятвяжском и литовском;

г) балт. **tj > *t'* (и **dj > *d'*)¹³ в древнепрусском и ятвяжском не подверглось аффрикации — инновационному процессу, известному соответству-

Ср.: „Punktem wyjścia zmian językowych jest zasadniczo płaszczyzna fonetyczna“ — Т. Milewski, *Jezykoznanstwo*, Warszawa, 1967, 187. См. еще: G. Ivanescu, *Les lois fondamentales de l'évolution linguistique*, — Actes de Xe Congrès International des Linguistes (= ACIL), I, Bucarest, 1969, 247–250. Фонетический (и прозодический) уровень в эволюции языка как бы пронизывает остальные его уровни.

⁵ Соответственно см. К. Вūга, RR III 97–8, 100, 104 (734–5), 168, 171–2, 256, 275–9, 282; и др.

⁷ Это делается в связи с тем, что некоторые из бесписьменных (нам более или менее известных) балтийских языков вымерли уже к XIV (XV) в., оставив о себе весьма скудные сведения (в документах, писанных на небалтийских языках, и в других источниках). Из-за этого каждому балтисту ясно, что наши сведения о таких языках весьма ограничены и довольно относительны.

⁸ К. Вūга, RR III 735 [судьба балт. **ei* в куршском иначе подразумевается в статье J. Kazlauskas, *Dėl baltų *ei ir *ō raidos lietuvių žemaičių tarmėse*, — *Baltistica*, V (1969), 30 tt.].

⁹ К. Вūга, RR III 734–5.

¹⁰ К. Вūга, RR III 256; иначе V. Dambe, *Blīdienes vietvārdi kā pagātnes liecinieki*, — *Rakstu krājums... Jānim Endzelīnam, Rīgā*, 1959, 449.

¹¹ К. Вūга, RR III 733.

¹² К. Вūга, RR III 256; иначе V. Dambe, l. c.

¹³ Перед гласными заднего ряда.

ющим восточнобалтийским языкам; очень рано данная аффрикация произошла в латышском (еще до X в.¹⁴) и, быть может, в земгальском¹⁵, однако она отсутствовала в куршском и селонском¹⁶, а также — приблизительно до XIII—XIV в. — и в большинстве говоров литовского¹⁷.

Вышесказанное можно резюмировать следующей таблицей (где плюсом обозначен фонетический архаизм, а минусом — фонетическая инновация):

Общесбалтийский	Отдельные балтийские языки (к XIV в.)						
	западнобалтийские		восточнобалтийские				
	др.-прусск.	ятвяжск.	южный	северные			
			лит.	куршск.	селонск.	земгальск.	лтш.
*ei	+	+	—	—	—	—	—
*Vn	+	+	+	+	+	—(?)	—
*k'	+	+	+	—	—	—(?)	—
*tj > *t'	+	+	+	+	+	—(?)	—

Отсюда представляется возможным заключить, что: 1) западнобалтийские языки являются более архаичными, чем восточнобалтийские, 2) из восточнобалтийских языков наиболее архаичным целесообразно считать литовский — южный восточнобалтийский язык, 3) наименее архаичным (наиболее инновационным) из северных восточнобалтийских, следовательно, и из всех балтийских языков является латышский (латгальский). Что касается земгальского языка, то он по степени архаичности (resp. инновационности), если придерживаться точки зрения К. Буги¹⁸, был близким к латышскому, т. е. к наименее архаичному восточнобалтийскому языку; если же согласиться с мнением В. Дамбе¹⁹, то земгальский в том же отношении оказался бы довольно

¹⁴ К. Būga, RR III 98.

¹⁵ К. Būga, RR III 266 [если же придерживаться точки зрения В. Дамбе (V. Dambe, l. c.), то в земгальском XIV в. и балт. *tj > *t', быть может, не знало эволюционной инновации — аффрикации].

¹⁶ К. Būga, RR III 282.

¹⁷ Ср. А. Salys, Kelios pastabos tarmių istorijai, — APh IV (1933) 23—25.

¹⁸ К. Būga, RR III 266.

¹⁹ V. Dambe, l. c.

близким к литовскому²⁰, т. е. к наиболее архаичному восточнобалтийскому языку. Такие противоречивые выводы о земгальском скорее всего объясняются тем, что вопрос о характере земгальского языка нуждается еще в дальнейших исследованиях. Однако и предстоящее решение данного вопроса вряд ли изменит то, что из восточнобалтийских языков наиболее архаичным целесообразно считать литовский, а наименее архаичным — латышский.

§ 4. Известно, что конец „распада“ восточнобалтийского „праязыка“ относится к V—VII в. (н. э.)²¹. Иначе говоря, до V—VII в. еще не было значительных диалектных различий между южным и северным восточнобалтийским. Однако с V—VII в. северные восточнобалтийские и, в первую очередь, латышский по темпам развития относительно скоро и далеко опережают южный восточнобалтийский (литовский). За какие 3 столетия (VII—X в.) латышский становится более инновационным (менее архаичным), чем литовский язык за всю историю своего существования (т. е. с V—VII в. по настоящий день).

Такая эволюционная неравномерность этих же языков обусловлена, разумеется, действием внутренних факторов — системных изменений. Однако при всем этом не следует игнорировать и влияние внешних факторов²², — тем более, что „иногда влияние внешнего, социально-политического фактора значительно сильнее, чем внутреннего, структурного; он как бы пронизывает внутренний“²³. Исходя из внешних *resp.* социальных факторов (и учитывая их влияние на внутренние), мы и попытаемся представить некоторые соображения о причинах эволюционной неравномерности отдельных восточнобалтийских языков.

§ 5. Весьма значительным социальным фактором, предопределившим а) меньшую архаичность (*resp.* большую инновационность) северных восточнобалтийских языков и б) большую архаичность (*resp.* меньшую инновационность) южного восточнобалтийского (литовского), — фактором, предопределившим также и „распад“ восточнобалтийского в V—VII в. (§ 4), нам

²⁰ Так как, если принимать соображения В. Дамбе, в указанной таблице под „земгальск.“ следовало бы ставить плюсы для балт. **Vn*, балт. **k'*, а также, возможно, и для балт. **tj* > **t'* (ср. сноску № 15).

²¹ Подчеркиваем слово „конец“, — поскольку начало данного „распада“ относится к более древней эпохе (возможно, к первым векам н. э.).

²² О двусторонней зависимости эволюции языка от факторов внешних и внутренних см. Общее языкознание, отв. ред. Б. А. Серебренников, Москва, 1970, 217 сл. сл. [на 218 стр. — критические замечания по поводу соответствующих взглядов А. Соммерфельда и Е. Куриловича], 232.

²³ М. А. Бородина, Влияние иноязычных систем на развитие языка, — Вопросы социальной лингвистики, Ленинград, 1969, 109.

представляется а) контактирование северных восточнобалтийцев с финнами и б) отсутствие подобного контактирования у южных восточнобалтийцев. Однако, при учете того, что балто-финское контактирование началось приблизительно со II тысячелетия до н. э. и продолжается непрерывно до настоящего дня, тут возникает вопрос: почему же „распад“ восточнобалтийского „праязыка“ (начало эволюционной неравномерности восточнобалтийских языков) относится к V—VII в. н. э. (§ 4), а не к гораздо более древним эпохам? Попытка ответа на этот вопрос нам представляется таковой.

§ 6. Прежде всего отметим общеизвестный факт, что система балтийских языков сильно отличалась и отличается от системы финских языков. Однако, чем больше различаются системы контактирующих языков, тем длительнее период, в течение которого происходит взаимопроникновение²⁴. Далее, как свидетельствуют соответствующие данные, влияние финских языков на балтийские²⁵ со II тысячелетия до н. э. приблизительно до V в. н. э. (см. ниже) было незначительным²⁶. Это объясняется, прежде всего, видимо, тем, что балтийские диалекты в те эпохи испытывали финское языковое влияние (длительный билингвизм!)²⁷ только на балто-финском пограничье, но иррадиация этих же балтийских диалектов данного пограничья на другие соседние балтийские диалекты не могла быть значительной в условиях первобытного общества, распавшегося только в I—IV в. н. э. Такая ситуация коренным образом изменилась с V в. н. э. С этого времени (т. е. с V в. по VIII в.) для восточнобалтийцев образуются новые социальные условия — классовое общество, вследствие чего вместо родовых общин окончательно выкристаллизуются уже территориальные²⁸ племенные объединения — нам известные восточнобалтийские этнические группы; и в каждой из этих групп внутреннее диалектное контактирование в силу новых социальных условий тогда же становится гораздо более интенсивным, чем в предыдущие эпохи. Иначе говоря, с V в. иррадиация восточнобалтийских диалектов билингвического балто-финского пограничья на соответствующие другие восточнобалтийские диалекты становится гораздо более сильной, чем это было раньше.

²⁴ М. А. Бородина, I. с.

²⁵ При описании результатов контактирования языков в докладе пользуемся термином „влияние“, сознавая, что он, возможно, и не является очень подходящим, — см. В. Ю. Розенцвейг, — ACIL I 243.

²⁶ Соответственно аналогичное, кажется, можно сказать и в отношении культурного влияния финнов на балтийцев.

²⁷ О языковом проникновении см.: E. Petrovici, *Interpénétration des systèmes linguistiques*, — ACIL I 37—56.

²⁸ Т. е. уже более пространственные.

Ввиду таких обстоятельств (разумеется, наряду с другими) восточнобалтийский „праязык“ в V—VII в. „распадается“ на северные восточнобалтийские языки и южный восточнобалтийский²⁹ (см. § 5). В этой же связи следует добавить о латышском (латгальском), являющимся наименее архаичным северным восточнобалтийским языком (§ 3), следующее. (Пра)латышский с V—VII в. испытал большее финское влияние, чем другие северные восточнобалтийские языки потому, что латыши в V—VI в. значительно продвинулись на север (на территорию, обитаемую финнами)³⁰, и в связи с этим значительно углубилось (к тому же в новых социальных условиях — см. выше) интенсивное латышско-финское контактирование (в том числе и интростратное); подобная миграция другими северными восточнобалтийцами тогда же была или незначительной, или гораздо менее значительной³¹.

§ 7. Итак, контактирование северных восточнобалтийских диалектов с финскими во многом способствовало тому, что с упомянутой эпохи (т. е. с V в.) эти же балтийские языки начинают становиться менее архаичными. Приблизительно с той же эпохи для восточнобалтийских языков начинается другое контактирование, а именно: с VI—VII в. в виду славянских миграций образуются интенсивные контакты (восточно)славян с восточнобалтийцами и, в частности, с (пра)литовцами. Но — в противоположность тому, что соответственно сказано о балто-финском контактировании — данное, т. е. балто-славянское контактирование не вызвало значительных инноваций в восточнобалтийских языках. Наоборот, — литовские говоры балто-славянского пограничья сейчас более архаичны, чем другие литовские говоры. Последнее обстоятельство можно объяснить, видимо, так: а) восточнолитовские говоры являются периферийными³², б) восточнолитовский и соседние славянские — это языки, хотя и неблизкородственные³³, но их системы довольно близки, следовательно, контактирующим литовцам освоение сла-

²⁹ Ср. соответствующие общелингвистические соображения: Общее языкознание (отв. ред. Б. А. Серебренников), Москва, 1970, 232 (конец страницы).

³⁰ M. Gimbutas. *The Balts*, London, 1963, 141; V. Urtāns, *Latvijas iedzīvotāju sakari ar slāviem I g. t. otrajā pusē*, — *Arheoloģija un etnografija*, VIII, Rīga, 1968, 66.

³¹ Ко всему этому можно еще напомнить и слова А. Мейе: „les langues changent d'autant moins que la population qui les parle est plus stable: [...] sur le domaine indo-européen, la Lituanie où la population semble n'avoir guère été renouvelée depuis longtemps, a un parler dont l'archaïsme est, à quelques égards, remarquable“ — А. Meillet, *Introduction à l'étude comp. des langues indo-eur.*, Alabama, 1964, 24—5.

³² Как известно, периферийная языковая ситуация способствует сохранению того, что называется языковой архаичностью (консервативностью), однако см. еще § 9.

³³ Восточнолитовский — это ведь литовский, и для него близкородственными являются остальные балтийские языки (а не славянские).

вянской речи не представляло особых трудностей. Совершенно другое дело с указанным балто-финским контактированием: системы балтийских и финских языков сильно отличаются (§ 6). Кратко говоря, отсюда вытекает, что язык, испытывающий влияние языка иной системы, позднее — несмотря на его периферийное положение — становится менее архаичным (более инновационным), чем язык, испытывающий влияние языка похожей системы³⁴. К тому же язык, испытывающий сильное влияние другого близкородственного языка, уже ранее подвергшегося влиянию неродственного языка (точнее, — языка иной системы), впоследствии становится менее архаичным, чем язык, испытывающий влияние другого неблизкородственного языка похожей системы. Это заключение делаем в связи с тем, что периферийный западнолитовский диалект (жемайтский), приблизительно с XIV—XV в. испытывавший сильное влияние (в том числе, и субстратное) куршского языка³⁵, является менее архаичным, чем периферийные восточнолитовские говоры, испытывавшие славянское влияние.

§ 8. Как уже отмечалось (§ 3), западнобалтийские (пруссский с ятвяжским) целесообразно считать наиболее архаичными балтийскими языками. Такая их характеристика в связи с вышеизложенным может быть объяснена: а) западнобалтийский с древнейших времен всегда был периферийным (§ 9), б) он за все время своего „нормального“ существования³⁶ имел контакты, насколько можно судить, только с такими языками, которые не были системно непохожими или испытывавшими сильное влияние языков иной системы. То обстоятельство, что южный восточнобалтийский (литовский) менее архаичен по сравнению с западнобалтийскими языками и более архаичен по сравнению с северными восточнобалтийскими языками (§ 3) — при учете вышеизложенного объясняется, видимо, такими причинами:

а) южный восточнобалтийский — в противоположность западнобалтийским языкам — исторически является непериферийным (т. е. „центральным“)³⁷, но б) он (литовский) — подобно западнобалтийским и в противоположность северным восточнобалтийским языкам — не испытал влияния языков иной системы или родственных языков, уже раньше испытывавших влияние языков иной системы³⁸;

³⁴ Ср. М. В. Бородина, ук. соч., 80, 109; она же, — ACIL I 69—70.

³⁵ Он же является одним из северных восточнобалтийских языков, подвергнувшихся влиянию финских языков (= языков иной системы), см. выше.

³⁶ Т. е. до XIII—XIV в., после чего он в силу всем известных обстоятельств начинает быстро исчезать.

³⁷ См. § 9 и V. Mažiulis, Balt. sant., 318.

³⁸ За исключением северо-западных литовских (жемайтских, возможно, и еще некоторых других) говоров (см. конец § 7).

б) северные восточнобалтийские языки — подобно западнобалтийским и в противоположность южному восточнобалтийскому — были периферийными³⁹, но б) они — в противоположность южному восточнобалтийскому и западнобалтийским — испытали сильное влияние языков иной системы (т. е. финских языков).

§ 9. Уместно сделать несколько замечаний относительно известного тезиса, согласно которому периферийный ареал языка считается более архаичным, чем его центральный ареал. Нам представляется, что и при учете имевшихся возражений против данного тезиса⁴⁰ последний (т. е. этот тезис) продолжает сохранять свою рациональную основу, — хотя бы по следующим причинам. Если временно отвлечься от контактирования языков, то периферийный ареал любого языка — языковая окраинная полоса, всегда отличающаяся весьма разнообразными конфигурациями⁴¹, в отношении очень многих ее отрезков представится таковой, которую с полным правом можно назвать полуизолированной языковой ситуацией⁴². А это уж означает⁴³, что периферийному ареалу всегда (хотя, видимо, и необязательно всем его отрезкам) в принципе свойственно стать более архаичным, чем центральный ареал. Что же касается того, какие коррективы в такую характеристику периферийного ареала вносит контактирование языков, то об этом уже говорилось выше (см. еще § 10 г).

§ 10. Подведем итоги вышеизложенному:

а) Относительно бóльшая или мéньшая архаичность (= мéньшая или бóльшая инновационность) родственных языков, т. е. неравномерность их эволюционных темпов во многом определяется внешними или социальными факторами. Из них особо важным является контактирование народов *resp.* языков, которое — при учете всей его разнообразности — имеет значительное влияние на эволюцию языка, в том числе и на ее темпы, следовательно, и на такие процессы, которые называются „распадом“ праязыка.

³⁹ Правда, из них таковыми некоторые стали, быть может, позднее (но от этого ведь не очень меняется суть дела!).

⁴⁰ См., напр.: W. Mańczak, *Z zagadnień językoznawstwa ogólnego*, Warszawa, 1970.

⁴¹ Т. е. различного рода выступами, клиньями, полуостровными или даже островными (как в географическом, так и этническом отношении) ситуациями, короче говоря, — многочисленными ситуациями, которые можно назвать полуизолированными.

⁴² См. предыдущую сноску.

⁴³ При учете первой „нормы“ М. Бартоли (см. M. Bartoli, *Introduzione alla neolinguistica*, 1925) и того, что полуизолированный язык (диалект) является таковым, который в рассматриваемом отношении, разумеется, не очень то далек от изолированного языка (диалекта).

б) Язык (диалект) наименее архаичным (= наиболее инновационным) становится при наличии интенсивных его контактов с языками иной системы, т. е. с языками, как правило, неродственными. Аналогичное переживает и язык, претерпевший сильное контактирование с близкородственным языком, уже раньше испытавшим интенсивное влияние языка иной системы.

в) Иначе себя ведет язык (диалект), контактирующий с языками похожей системы, т. е. с языками, даже неблизкородственными, — тогда он сохраняет много архаичных черт.

г) Потенциальная возможность для периферийного языка (диалекта) сохранять бóльшую архаичность элиминируется при наличии сильных его контактов с языками иной системы — с неродственными языками, а также с родственными (и даже близкородственными) языками, уже раньше сильно контактировавшими с языками иной системы. Однако периферийный язык (архаичный), имевший сильные контакты с языками похожей системы — языками, даже неблизкородственными, сохраняет свою характеристику, т. е. он остается более архаичным, чем непериферийные языки (диалекты); следовательно, при таком (а не всяком!) контактировании статус периферийного языка (диалекта) частично похож на статус изолированного языка (являющийся — это уж ясно — архаичным).

д) С эпохи зарождения классового общества контактное воздействие на язык со стороны других языков становится более проникающим (в ареальном отношении), чем в предыдущие эпохи.